(1)В первую очередь Пелагея сходила в тёмную, без света, боковушку, вынесла небольшую рамку с фотографиями. (2)Она дрожащими пальцами потрогала стекло в том месте, где была вставлена крошечная фотокарточка с уголком для печати. (3)На снимке просматривались одни только глаза да ещё солдатская пилотка, косо сидевшая на стриженой голове. (4)Вот-вот истают с этого кусочка бумаги последние человеческие черты, подёрнутся жёлтым налётом небытия. (5)И даже память, быть может, всё труднее, всё неверное воскрешает далёкие, годами застланные черты. (6)И верным остаётся только материнское сердце.

(7)Хозяйка взяла со стола рамку, опять отнесла её в тёмную боковушку и, воротясь, подытожила:

— Четверо легло из нашего дома. (8)А по деревне так и не счесть. (9)Ездила я года два назад поискать папину могилку. (10)Сообщали, будто под Великими Луками он. (11)Ну, поехала. (12)В военкомате даже район указали.

(13)И верно, стоят там памятники. (14)Дак под которым наш-то? (15)Вечная слава, а кому — не написано. (16)А может, и не под которым. (17)А Лёша наш до сего дня без похоронной... (18)Одна мама всё надеется...

(19) Тут подала голос старуха, тронув дядю Сашу за руку, попросила:
— Сыграй, милый, сыграй.

(20) И, глядя вниз, на свои пальцы, что уже лежали на клапанах, выждав паузу, он объявил, разделяя слова:
— Шопен, соната... номер... два...

(21) Пелагея, для которой слова «соната», «Шопен» означали просто музыку, а значит и веселье, при первых звуках вздрогнула, как от удара. (22)Она с растерянной улыбкой покосилась на старуху, но та лишь прикрыла глаза и поудобнее положила одна на другую сухие руки.

(23)Звуки страдания тяжко бились, стонали в тесной горнице, ударялись о стены, об оконные, испуганно подрагивающие стёкла. (24)Когда была проиграна басовая партия, вскинулись, сверкнув, сразу три корнета, наполнив комнату неутешным взрыдом. (25)Старуха, держа большие тёмные руки на коленях, сидела неподвижно и прямо. (26)Она слышала всё и теперь, уйдя, отрешившись от других и от самой себя, затаённо и благостно вбирала эту скорбь и эту печаль раненой души неизвестного ей Шопена таким же израненным сердцем матери.

(27) И дядя Саша вспомнил, что именно об этой великой сонате кто- то, тоже великий, сказал, что скорбь в ней не по одному только павшему герою.

(28) Боль такова, будто пали воины все до единого и остались лишь дети, женщины и священнослужители, горестно склонившие головы перед неисчислимыми жертвами...

(29) И как проливается последний дождь при умытом солнце уже без туч и тяжёлых раскатов грома, так и дядя Саша повёл потом мелодию на своём корнете в тихом сопутствии одних только теноров: без литавр, басов и барабанов. (30)Это было то высокое серебряное соло, что, успокаивая, звучало и нежно, и трепетно, и выплаканно, и просветленно. (31)Печаль как бы истаивала, иссякала, и, когда она истончилась совсем, завершившись как бы лёгким вздохом и обратись в тишину, дядя Саша отнял от губ мундштук.

(32)Старуха наконец встала и поковыляла одна, шаркая подшитыми валенками.
— (33)Ну вот и ладно... — проговорила она. — (34)Хорошо сыграли... (35)Вот и проводили наших... (36)Спасибо.

...(37)Музыканты шли к большаку непроглядным ночным бездорожьем. (38)Всё так же сыпался и вызванивал на трубах холодный невидимый дождь, всё так же вязли и разъезжались мокрые башмаки. (39)Шли молча, сосредоточенно, перебрасываясь редкими словами, и старшой слышал близко, сразу же за собой, тяжёлое, упрямое дыхание строя. (40)Как тогда, в сорок третьем...

(По Е. Носову)

Евгений Иванович Носов (1925—2002 гг.) — русский писатель, участник Великой Отечественной войны.

Из предложений 1—3 выпишите ОДИН фразеологизм.